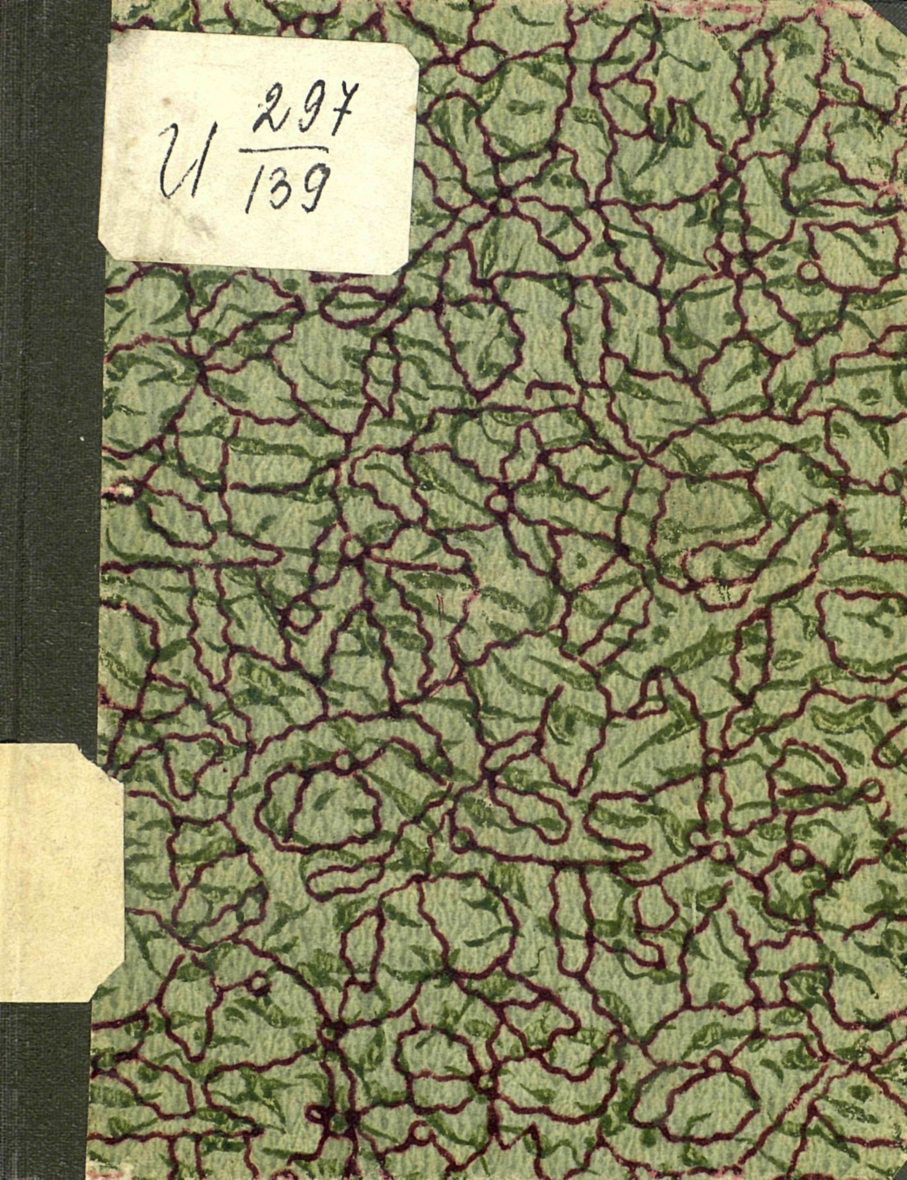

U 297/139

В. РОЗАНОВЪ.

Въ чаду войны

□□□

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУБИКОНЪ“.
ПЕТРОГРАДЪ — МОСКВА.
1916 г.

В. РОЗАНОВЪ.

Въ чаду войны.

ЦѢНА 40 КОП.

ПЕТРОГРАДЪ—МОСКВА.
Книгоиздательство „Рубиконъ“.
1916 г.

Петроградъ. Дозволено военной цензурой.

Тип. Акц. О-ва Тип. Дѣла въ Петроградѣ. 7 рота, 26.

ВЪ ЧАДУ ВОЙНЫ.

Возрожденіе Россіи.

Война будоражитъ головы всѣхъ. Мой сынишка 15 лѣтъ уже мѣсяцъ крушитъ, бурлитъ, ворчитъ на маму, мнѣ — слова сказать не смѣетъ: оказывается, у мамы онъ требуетъ, чтобы отпустила на войну. Говорю: «ты долженъ за больной мамой ходить и сестеръ въ старости холить». Воротитъ морду, не слушаетъ. Хотѣлъ выпороть, да съ меня ростомъ: боюсь, сдачи дастъ. Ничего не подѣлаешь. Терпи родители.

Въ два часа ночи вижу тайный свѣтъ изъ-подъ двери. Вхожу: черными нитками по бѣлому коленкору шьетъ мѣшокъ. Рядомъ другой мѣшочекъ уже переполненъ: «Покажи». Сконфуженно вытаскиваетъ. Стеариновыхъ вершковыхъ огарковъ штукъ шесть, — явно выта-

скивалъ потихоньку изъ подсвѣчниковъ. — «Это зачѣмъ?» — «Это если я буду съ солдатами сидѣть въ землянкѣ, то зажгу». — «Дальше?» Папиросы бѣдныя, совсѣмъ жалкія: однако набилъ ими, самодѣльщиной, цѣлую коробку изъ-подъ табаку; начатыя (т.-е. открытыя, но не вполнѣ использованныя) спичечныя коробки. Веревки. И еще непонятная чепуха.

Оказывается, уже нѣсколько разъ бѣгалъ на Варшавскій вокзалъ, бѣгалъ и разспросилъ солдатъ, какъ ѣхать. Отправлявшіеся солдаты сказали: «Если съ нами, то никакого разрѣшенія родителей не требуется. Сядешь въ вагонъ, и мы доѣдемъ. А тамъ, въ Варшавѣ, тоже устроимся. И такъ далѣе». Онъ повѣрилъ «и такъ далѣе» — и разъ насмѣшливо прямо отвѣтилъ, что «уѣдетъ и безъ позволенія», т.-е. если «добромъ не отпустите». Рѣшилъ «добромъ отпустить».

Смышленъ, ловокъ, силенъ. Очень практиченъ. Только «теорія» ему въ голову не идетъ. Недавно

старшая сестра, смѣясь, входитъ и говоритъ намъ (родителямъ):

— Вхожу. Вася заснулъ на кушеткѣ съ книжкой. Я разбудила его. «Что же ты не учишь?» — Проснулся и говоритъ: «Очень трудно, Алечка, я ничего не понимаю». — «Да о чемъ ты учишь?» — «По закону Божію. Задали о сокольничкахъ, да очень трудно». Беру книгу: въ «Исторіи русской церкви» задана глава «О стригольникахъ»...

Что же у него въ головѣ, если вмѣсто знаменитой секты онъ читаетъ «сокольнички» и ожидаетъ читать тамъ о соколиной охотѣ, и естественно поэтому не понимаетъ, что такое непонятное о нихъ напечатано.

Разумѣя о церкви, что «туда ходятъ молиться», онъ не имѣетъ ни образа, ни понятія, ни имени и слова «секта», «ересь», «сектанство».

— Я тебѣ пальто шить не буду, — сказалъ я рѣшительно.

Черезъ два дня несетъ охапку какого-то старья. И говоритъ:

— Слушай, папа. Вотъ мамина бѣличья мантилья. Она ей не нужна. Изъ нея Домна Васильевна (бонна «съ шитьемъ») сошьетъ мнѣ мѣховую рубашку, шерстью внизъ. Тепло? Потомъ твоя охотничья («австрійская») куртка.

И мигомъ одѣлся. Она — широченная, съ поясомъ. Подъ грубымъ верхомъ положенъ тонкій слой ваты, и низъ — фланелевый. Стара, нѣжна, какъ бабушка. Я бросилъ за изношенностью.

— Въ мѣховой рубашкѣ и въ твоей курткѣ мнѣ будетъ тепло, какъ въ пальто. Мѣховая шапка есть.

Я понималъ, что тепло. Позвонилъ по телефону «кому слѣдуетъ». Отвѣчаютъ:

— Непремѣнно нужны еще теплые штаны на ватѣ.

Это рубля полтора. Можно. Весь домъ (въ женской половинѣ) возсталъ:

— Онъ простудитъ почки. Главное — почки. Всѣ возвращаются съ

простуженными почками. Сидятъ въ окопахъ, въ сырости и холодѣ!

И тому подобное. Я вооружился мужествомъ и говорю ему:

— Помнишь, Василій, изъ «Тараса Бульбы»: — «Эй вы, бабники, что сидите за спинами своихъ бабъ на печи. Выходите всѣ, берите пики и садитесь на коней». Онѣ — женщины и не понимаютъ мужчинъ. Мужчина дѣйствительно долженъ сражаться и, конечно, «за отечество». Теперь мы «за отечество» противъ подлыхъ нѣмцевъ, которые отняли у славянъ «отечество».

Глаза сынишки горѣли.

Ученіе? Что такое ученье? Это десять книжекъ, отъ которыхъ тошнитъ съ дѣтства? Кого же «ученье» воспитало, вдохнуло героизмъ, мужество, правду, все, что «войну полагается знать»? Ученье... его всегда найдешь, много ихъ шляется учителей безъ мѣста. Но война, и особенно такая война — на нашей памяти уже не повторится. И не то, что «сражаться», чего 15-лѣтнему едва ли дадутъ, но уже «потереться пле-

чомъ» около войны, итти съ обозомъ, присматривать за солдатскими вещами на повозкахъ, быть посланнымъ куда-нибудь «передать то-то» и издали слышать гулъ пушекъ, вдыхать напряженіе войны, видѣть раненыхъ, сдѣлать перевязку, дать раненому пить — все это воспитываетъ. И воспитываетъ такимъ реальнымъ и дѣйствительнымъ способомъ, какого, конечно, ни въ какой школѣ не содержится.

Напримѣръ, я былъ въ 1872—73 годахъ въ Симбирскѣ. Знаете, что составляло у жителей самую сладкую тему разговоровъ? — Какъ Пугачевъ съ полчищами пришелъ въ Симбирскъ, какъ его отражали, какъ онъ занялъ городъ. Вотъ сколько времени помнится отъ отца — къ сыну, отъ дѣда — къ отцу, отъ прадѣда — дѣду. Живая традиція ничѣмъ не замѣнима, никакимъ Иловайскимъ. А живая традиція — только тамъ, гдѣ «потерся плечомъ», и всего лучше, величественнѣе и священнѣе — около войны.

Только что слышалъ въ редакціи отъ одного изъ сотрудниковъ ужасную вещь. Передаю какъ слышалъ.

— Вы знаете, что дѣлаютъ нѣмцы? Въ занимаемыхъ ими польскихъ мѣстностяхъ они изнасиловали всѣхъ женщинъ и взрослыхъ дѣвушекъ, — по отданному отъ начальства приказанію... Конечно — штабного, вообще отъ командного состава, и конечно — не безъ знанія и одобренія кайзера. Объ этомъ не пишутъ, какъ не говорятъ о всякомъ опозореніи, потому, что позоръ лежитъ, какъ пятно, на чести несчастнаго. Щадятъ, скрываютъ честь польскихъ женщинъ и дѣвушекъ. Гнусная мысль заключалась въ томъ, чтобы испортить польскую кровь населенія, смѣшавъ ее съ ихъ подлой тевтонской кровью. Чтобы испортить семью, родъ; чтобы волей-неволей родились отъ полекъ дѣти отъ германскихъ отцовъ.

Что же: разъ они все «искоренили» въ Бельгіи и Польшѣ, испортили самую п о ч в у тамъ, — мысль испортить «кровь» націи естественна

и правдоподобна. Это просто «полнота мысли» и до извѣстной степени «завершенный планъ побѣды». Мысль имѣетъ свой прогрессъ и развѣтвляется во всѣхъ направленіяхъ. Это частица «организаціи войны», надъ книгою о которой трудился фонъ-деръ-Гольцъ-паша, организаторъ турецкой арміи. Въ книгѣ его есть замѣчательная фраза:

«Великимъ я назову того полководца, который во время боя, видя истекающій кровью батальонъ, спокойно разсчитываетъ, что онъ можетъ еще извлечь изъ этого батальона въ цѣляхъ достиженія успѣха».

Мерзавецъ оцѣнилъ и восхвалилъ только холодъ и бездушіе въ полководцѣ. Скажите, развѣ не напрасно колотилъ этихъ мерзавцевъ Наполеонъ? И тогда, какъ оцѣнилъ бы нѣмецкій «организаторъ побѣды» нашего Суворова, сказавшаго солдатамъ въ невыносимо трудную минуту:

«Ребята, если вы отступите, то сперва закопайте меня старика въ землю».

И легъ на землю. Маленькій Суворовъ, великій фонъ-деръ-Гольцъ! Нѣтъ, такихъ мерзавцевъ надо колотить по мордѣ,—ружьемъ, плетью, кулакомъ, чѣмъ попало.

Вспомнимъ о польскихъ женщинахъ и двинемся за поруганную ихъ честь всѣмъ славянствомъ.

Идите и старый, и малый противъ этихъ ученыхъ звѣрей!

О нашемъ „христолюбивомъ воинствѣ".

... Громада поднявшагося и еще продолжающаго подниматься на защиту отечества воинства русскаго уходитъ на Западъ, размѣщается такъ и этакъ здѣсь. И, смотря на эти народныя массы, у разныхъ людей поднимаются разныя мысли, заводятъ споры, пролетаютъ сомнѣнія. Основа—солдатъ. Сумма ихъ—«христолюбивое воинство»... Кто назвалъ? Откуда имя? Въ оффиціальныхъ документахъ его нѣтъ. Такъ, само собою, «назвалось» оно, и вѣрно такъ захотѣлось назваться

ему. Даже «воинствомъ» нигдѣ никто не называетъ ихъ. «Воинства были у царя Константина Великаго греческаго, и по примѣру греческихъ и римскихъ кесарей «воинствомъ» назывались великокняжескія и царскія дружины въ Кіевѣ и Москвѣ. Петроградъ далъ простое и раціональное имя — «армія», «солдатчина». — Вотъ вамъ «Артикулъ военный», — сказалъ Петръ о новой арміи, повелѣвъ перевести послѣдній со шведскаго. Такъ и печаталось «повелѣніемъ Его Пресвѣтлаго Величества» въ двухъ текстахъ: на лѣвой сторонѣ страницъ—шведскій текстъ, на правой сторонѣ страницъ — русскій переводъ. Но армія почему-то о себѣ удержала древнее названіе «отъ царей греческихъ» — «воинство», придавъ русское прибавленіе — «христолюбивое». Должно быть такъ оно полагало о себѣ, такъ представлялось самому себѣ. Въ понятіи «христолюбиваго воинства» входитъ понятіе о какомъ-то «страданіи для Христа». Армію, поднимающуюся въ по-

ходъ, можно сравнить съ женщиною, ложащеюся въ родильную кровать. «Пришелъ часъ ея», — женщины и арміи. «Армія» она — пока стоитъ; а какъ поднялась въ походъ — въ ней рождается «христолюбивое воинство»; и была «дама», пока гуляла по улицамъ, закупала покупки, вела хозяйство. А легла въ постель, перекрестилась и возопила въ «родную матушку». Хлопочетъ повивальная бабка, скоро будетъ позванъ попъ. Въ походѣ и на войнѣ армія выростаетъ во что-то священное, подобно какъ и женщина выростаетъ во что-то священное въ родахъ. Этотъ моментъ перехода «въ священное» арміею и обозначенъ въ само-имени «Христолюбивое воинство». Часъ, и дни, и недѣли, и мѣсяцы похода, и войны солдатами чувствуются какъ «Христово служеніе». — «Умираемъ за други своя», по слову Христа, «за землю русскую», «за весь христіанскій народъ».

Одинъ священникъ и вмѣстѣ профессоръ духовной академіи при-

слалъ мнѣ письмо, гдѣ дѣлится рѣдкими и драгоцѣнными своими наблюденіями надъ солдатами на исповѣди. Конечно, съ біеніемъ сердца оно прочтется всею Русью. Вотъ оно:

«Вѣдь о воспріятіи зрителями и наблюдателями толпы народной, массы человѣческой — всегда можетъ быть поднятъ споръ и можетъ быть заданъ вопросъ: «да не знаетъ ли кто-нибудь основательно всю подноготную владѣющаго толпою подъема или восторга»? И на вопросъ этотъ обычно не находится отвѣта. Такъ подсказываются искусственные и придуманные отвѣты, и касательно подъема духа въ арміи, коего мы всѣ свидѣтели. То же, о чемъ я сейчасъ хочу разсказать вамъ, само по себѣ есть «вся подноготная». И она — чиста и высока. Я разумѣю исповѣдь.

«Послѣднее время мнѣ много приходилось исповѣдывать солдатъ, раненыхъ и больныхъ, запасныхъ и съ дѣйствительной службы, раз-

ныхъ полковъ, съ разныхъ театровъ войны и изъ разныхъ губерній. Одни изъ нихъ холостые, другіе семейные. Они разнаго общественнаго положенія, хотя въ общемъ — около низшихъ классовъ: мѣщане, ремесленники, желѣзнодорожные служащіе, крестьяне и т. п. Но все это разнообразіе не мѣшаетъ удивительному единству въ «единомъ на потребу». Исповѣдь, вообще, когда исповѣдуются городскіе жители, довольно тягостна, и послѣ исповѣди бываетъ на плечахъ и на сердцѣ ощущеніе стопудовыхъ грузовъ. Городскіе жители, на самомъ дѣлѣ будучи въ большинствѣ случаевъ весьма сквернаго душевнаго здоровья, очень плохо сознаютъ свои болѣзни. Недовольство, ропотъ, обвиненіе другихъ и обѣленіе себя, лукавство передъ Богомъ, — все это тяжело и безнадежно какъ-то. Разсудкомъ поймутъ, а сердца не умягчишь. И чувствуешь нерѣдко, что нѣтъ настоящаго покаянія. Таковы, хотя конечно и не всегда, мирные граждане.

«Готовясь исповѣдывать солдатъ, я уже заранѣе настроился на все худшее, ибо извѣстно, что такое солдатъ». Это мое настроеніе относительно нихъ сидѣло крѣпко во мнѣ еще съ годовъ студенчества въ Московскомъ университетѣ, когда я безотчетно не могъ не подпасть обще-интеллигентнымъ взглядамъ на солдатчину. Реально же я ихъ вовсе не зналъ. Да и по существу дѣла: чего ждать отъ людей, оторванныхъ отъ семьи, отъ крова, полуголодныхъ нерѣдко, а иногда и голодныхъ вообще. Имъ самъ Богъ проститъ согрѣшенія, — думалось мнѣ, — проститъ за ихъ труды, жертвы. Вѣдь многіе изъ нихъ почти мальчики.

«Однако, всѣ эти соображенія оказались ошибочными. Болѣе высокаго и чистаго состоянія на исповѣди, чѣмъ со своими солдатами, я никогда не переживалъ. И если было что плохо, такъ это развѣ то, что во мнѣ шевелилось что-то въ родѣ зависти. Душа открыта, раскаяніе легкое, отъ глубины души, чисто-

сердечное. Себя извинять не стараются... да и не въ чемъ. Если у кого были грѣхи, то это — сдѣланные ранѣе, въ мирной жизни. Въ походѣ же, кажется, только у двухъ оказался грѣхъ, и вонъ какой: одинъ стащилъ гдѣ-то арбузъ, а другой, не ѣвъ нѣсколько дней, попросилъ въ какомъ-то селеньѣ хлѣба, и ему сказали, что хлѣба нѣтъ, хотя тутъ же, на столѣ, лежалъ цѣлый, — тогда солдатъ отрѣзалъ себѣ часть. Вотъ, кажется, и всѣ грѣхи, указанные мною. Да, — еще одинъ признался, что онъ въ душѣ роп-талъ на тяжелое положенiе, а другой — что чего-то не исполнилъ или исполнилъ не такъ, какъ было приказано. Но оба они, изъ запасныхъ, въ мирное время допускали довольно серьезные грѣхи. Одинъ когда-то, вступаясь за мать свою, которую очень оскорблялъ и билъ отецъ его, грубо говорилъ съ отцомъ. Послѣ того они съ отцомъ много разъ мирились, — и мирились нарочито передъ отправленiемъ на войну, — но онъ все не можетъ успокоиться

и терзается муками совѣсти. Спрашивалъ я всѣхъ, когда исповѣдывалъ, обижали ли они-де мирныхъ жителей. И отвѣтъ всегда въ одномъ родѣ, съ разнообразіемъ только въ интонаціяхъ: у однихъ отвѣтъ звучитъ съ глубокой вѣрой въ свое дѣло, у другихъ — чуть-чуть обиженно, «какъ-де задаешь мнѣ такой обидный вопросъ»? Отвѣтъ же таковъ: «Что вы, батюшка, вѣдь мы по-православному...», «нѣтъ, этимъ не занимались, мы — все по вѣрѣ», «Нѣтъ, мы — православные», и т. д.

«Это — очень важно. Вѣдь, если бы что было, хотя бы самое малѣйшее, то при той легкости и непосредственности, съ какой солдаты говорятъ о своихъ грѣхахъ, они непремѣнно поспѣшили бы покаяться. Объ арбузѣ-то и хлѣбѣ, вѣдь, сами поспѣшили сказать, безъ всякихъ вопросовъ, первымъ дѣломъ. Явно, что это тяготило совѣсть.

«Ни у кого во все время военной жизни (а нѣкоторые, вѣдь, не

съ войной только, а ранѣе попали на службу) никакихъ признаковъ распутства, ни въ какой формѣ. Только одинъ былъ грѣшенъ порокомъ, но это—въ мирное время, а не теперь.

«Всѣ твердо и просто вѣрятъ. Всѣ съ внутреннимъ убѣжденіемъ и чисто православною сознательностью (а вовсе не слѣпо и не по забитости) не только повиноваться начальству, но и имѣть внутреннее недовольство—считаютъ грѣхомъ. «Всѣ же страдаютъ». — «Я — не одинъ». «Всѣмъ надо», «Богъ велѣлъ»,—вотъ отвѣты на вопросъ объ отношеніи къ службѣ.

«Замѣчательныя лица. Отъ духовнаго ли подъема, или отъ болѣзней и трудовъ, но все облагородилось, и даже кожа стала совсѣмъ не такой, какъ у простонародья. Удивляешься ихъ благообразному виду, послѣ столькаго пребыванія на воздухѣ, въ грязи, въ мокротѣ и спанья на землѣ. Они сейчасъ благообразнѣе, чѣмъ были ранѣе, и одухотвореннѣе. Лица чи-

стыя, часто невинныя, съ ясными взорами и внутренней рѣшительностью.

Таково «христолюбивое воинство».

Таковы слова священника-исповѣдника. Къ нимъ прибавлять что же? Развѣ что, прочтя ихъ, оглянуться на заботливую «анкету», какую поспѣшная интеллигенцiя устроила «промежъ своихъ», по вопросу, «насколько звѣрства, проявленныя культурными германцами на войнѣ, угрожаютъ быть проявленными и со стороны менѣе культурныхъ русскихъ войскъ? Анкета дала, кажется, успокоительные результаты. О всемъ этомъ хлопотливо писалъ Философовъ, «отзывающiйся на событiя». У интеллигенцiи всегда много хлопотъ, страховъ и предвидѣнiй. Ну, «чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, только бы не плакало». Да еще мнѣ хочется припомнить одинъ разсказъ матроса, бѣжавшаго съ взбунтовавшагося «Потемкина Таврическаго» въ Соединенные Штаты:

— «Пріѣзжаю туда, оглядываюсь, — будто люди живутъ. Однако же потомъ плюнулъ и вернулся (потихоньку) въ Россію. Дикіе люди. Ни царя у нихъ, ни — закона».

Почему «ни закона» — не ясно. Передаю, какъ слышалъ. Должно быть, нѣтъ «закона» вотъ въ видѣ этого нравственнаго каждому внушенія, какое дѣлаетъ церковь прихожанину на своихъ службахъ, дѣлаетъ и священникъ на исповѣди кающемуся.

И этотъ бѣженецъ-матросъ, но со старорусскою крестьянскою основою въ себѣ, высказалъ настоящее культурное отвращеніе къ состоянію людей дѣйствительно въ тайнѣ вещей безкультурному. «Ни — царя, ни — вѣры, одинъ телефонъ».

О духѣ и смыслѣ русской арміи.

Въ сколькихъ, сколькихъ случаяхъ русскій человѣкъ, русскій обыватель, русскій писатель имѣетъ поводъ воскликнуть сейчасъ: «Нынѣ

отпущаеши раба Твоего», или по-русски: «Господи, наконецъ, Ты показываешь правду Свою!...» Всего мѣсяца полтора назадъ я прочелъ въ одномъ радикальномъ журналѣ анонимную рецензію на книгу Амфитеатрова: —«1812 годъ. Очерки изъ исторіи русскаго патріотизма», и въ ней слѣдующія слова:

«А. В. Амфитеатровъ въ своей книгѣ доказываетъ, что въ «Войнѣ и мирѣ» Толстой изобразилъ въ фальшивыхъ краскахъ офицерство Александровской эпохи. «Силою волшебной художественной лжи (??!!) Толстой, — говоритъ Амфитеатровъ, — заставилъ общество перемѣнить то отрицательное типическое объ этомъ офицерствѣ представленіе, которое крѣпко вкоренилось благодаря литературѣ прадѣдовъ и дѣдовъ нашихъ. Толстой побѣдилъ Грибоѣдова. Ник. Ростовъ искупилъ Скалозубова (141 стран.)». Сводя изображеніе офицерства Александровской эпохи у Толстого почти исключительно къ фигурѣ Николая Ростова, г. Амфи-

театровъ рѣшительно заявляетъ, что «Толстой сдѣлалъ какъ разъ все, чтобы многолѣтнія улыбки, сарказмы, смѣхи и каррикатуры отошли на заднiй планъ, — чтобы нашла себѣ пониманіе, а, слѣдовательно, и извиненіе та узкая александровская армейщина, изъ которой выросла и зажала Россію въ кулакъ служилая николаевская дворянщина». «И нельзя не признать, — прибавляетъ Амфитеатровъ, — что эта неблагодарная по существу задача ему до извѣстной степени удалась». Толстой «сумѣлъ художественнымъ обманомъ придать очарованіе реакціонному классу, ранѣе преданному литературою и обществомъ презрѣнію и посмѣшищу» (218 — 219. . .).

Я вырвалъ гнусную и страшную рецензію и кинулъ въ письменный столъ, думая: — «Найдется опроверженіе!» Я называю эту рецензію страшною, потому что не страшно ли зрѣлище, что шляющійся гдѣ-то за границею не оплаченный должникъ, разыгрывающій

роль революціонера, (Амфитеатровъ) и какой-то столичный рецензентъ (конечно, изъ «нашихъ писателей») ставятъ армію 12-го года въ положеніе «объясняться и извиняться» предъ собою... Вся Россія вѣрила, любила эту армію; благодарила за пролитую кровь, которою она отстояла Россію... Какой подвигъ, какіе люди, какое страданіе!! И вотъ приходятъ какой-то Амфитеатровъ и какой-то рецензентъ и плюнули на все это. Плюнули и растерли ногой... Между тѣмъ, это — любимый журналъ учащейся молодежи, студентовъ, курсистокъ. Какъ поднялась рука писать такія строки, зная свою читающую публику, — зная, что это довѣрчивая и любопытная, зеленая молодежь...

И вотъ документъ пришелъ, и даже два. Недавно я напечаталъ разсказъ священника о томъ, какою онъ увидѣлъ на исповѣди душу русскаго воина, а вотъ и второе письмо, пришедшее съ помѣткой «5-е декабря» изъ Москвы. На-

писано оно женщиной, трудящейся въ лазаретѣ около воиновъ:

«Плакала я сегодня, читая въ статьѣ вашей о нашемъ «христолюбивомъ воинствѣ» и разсказъ священника о томъ, что ему пришлось узнать на исповѣди. Я хожу за ранеными и больными, будучи «сестрою» въ госпиталѣ. Вижу всю красоту души ихъ и поражаюсь этимъ дивнымъ созерцаніемъ до глубины моего существа. Посылаю молитву передъ сраженіемъ, которую я слышала, какъ ее тихо и благоговѣйно читалъ одинъ изъ раненыхъ моей палаты. Я просила написать ее и мнѣ, что онъ и исполнилъ. Уже стоя въ полной готовности начать или принять бой, каждый про себя молится: «Спаситель мой! Ты положилъ за насъ душу Свою, чтобы спасти насъ; Ты заповѣдывалъ и намъ полагать души наши за друзей нашихъ, близкихъ намъ. Радостно жду я исполнить святую волю Твою и положить жизнь свою за друзей нашихъ, близкихъ намъ. Радостно жду я исполнить святую

волю Твою и положить жизнь свою за Царя и Отечество. Вооружи меня крѣпостью и мужествомъ на одолѣніе враговъ нашихъ и даруй мнѣ умереть съ твердою вѣрою и надеждою въ блаженномъ Твоемъ Царствіи. Мати Божія, сохрани меня подъ покровомъ Твоимъ. Аминь». Другой у насъ раненый, Фоменко, не зналъ этой молитвы, такъ какъ не во всѣхъ частяхъ учатъ ее. Изъ госпиталя онъ прямо пойдетъ опять на позицію. Изъ дома, за все время двухлѣтней его службы и за время послѣдняго періода, когда онъ былъ въ бою на границѣ Пруссіи и 14-го августа былъ привезенъ больнымъ въ нашъ госпиталь, гдѣ остается по сей день, — онъ отъ двухъ братьевъ и отъ жены (другихъ родныхъ нѣтъ) ни разу не получилъ ни единаго письма и ни копейки денегъ. Вотъ этотъ самый кроткій юмористъ Андрюша Фоменко слышалъ, какъ я читаю эту молитву, любуясь ею. «Что жъ то, сестрица?» — «Молитва передъ сраженіемъ». — «А я ее не знаю. Напи-

шите печатными буквами мнѣ; я ее выучу и буду читать, когда надо будетъ».

Написала я ему молитву. Цѣлый день, лежа на постели, училъ ее мой милый Андрюша, въ промежуткахъ исполняя мои просьбы по уходу за больными, дѣлая это охотно и весело. А потомъ я должна была приклеить этотъ писанный «печатно» листочекъ къ его маленькому походному молитвеннику. Теперь онъ уже совсѣмъ годенъ въ походъ; у него улажено и тщательно завернуто въ бумажку и завязано веревочкой имущество: молитвенникъ, набитыя папироски штукъ 100; 4 листка и 4 конверта съ адресами домой, на случай, если «что будетъ тамъ, на позиціяхъ», — чтобы извѣстили, и — «мое сокровище», какъ Андрюша зоветъ подаренную ему мною зажигательницу съ кремнемъ, а на случай — съ фитилемъ бензиннымъ. Зажигательница доставляетъ ему великое удовольствіе и точно какое-то тепло. «Теперь что жъ!? Теперь я всегда

съ огонькомъ! Спичекъ и не надо, всегда дома!? И много, много красоты такой мудрой, такой кроткой, великой по своей красотѣ и дѣтской кротости. Никогда я не слышала отъ нихъ ни малѣйшаго ропота или укора. Точно такъ и быть должно, точно это совершается актъ высшей справедливости, что они, дорогіе, должны быть принесены въ жертву за общее благополучіе. Таковыхъ есть Царство Божіе, ибо они принимаютъ его, какъ дѣти.

Порою я останавливаюсь въ невыразимомъ изумленіи предъ этою нравственною, возвышенною, ничего не требующею красотою. Поэзія, музыка, природа, Господь, геройство, тихій смѣхъ, вечернія сказки, пѣсни и пляска выздоровѣвшихъ, церковное хоровое пѣніе, простые и съ юморомъ порою разсказы о военныхъ событіяхъ и приключеніяхъ, письма роднымъ, нѣжность къ «своей сестрицѣ» (милосердія)—все слилось въ прекрасное цѣлое, въ родное наше, явившееся предъ глазами во весь ростъ и поразившее

видящихъ своимъ полнымъ содержанія обликомъ. Но, родной писатель, жители «большого» города все еще не понимаютъ свой «народъ» и все еще продолжаютъ относиться къ нему покровительственно. Какая правда: Вы говорили, что наша церковь была для народа высшей академіей. Вѣрно это. У насъ въ госпиталѣ церковь. Какъ они, раненые, съ перевязками, въ халатикахъ, на костыляхъ ходятъ въ церковь, ко всенощной, къ обѣднѣ. Какъ предъ причастіемъ просятъ прощенія у «сестрицы» (милосердія) за прегрѣшенія предъ нею, а предъ «сестрицей»-то они именно никогда (подчеркнуто въ письмѣ двумя чертами), никогда не грѣшатъ».

Письмо — пожилой супруги московскаго присяжнаго повѣреннаго, г-жи Ш—вой. А не сказать ли такъ объ уходѣ за ранеными: раненые около насъ выздоравливаютъ, а мы выздоравливаемъ около раненыхъ. Сколько въ этомъ письмѣ и въ такихъ письмахъ разнаго народнаго чувства; какъ вездѣ, по госпиталямъ

сейчасъ идетъ уже физическое, черезъ видѣніе, черезъ слухъ,—общеніе съ народомъ; общеніе не на минуту, не черезъ встрѣчу на улицѣ, а тянущееся недѣли и мѣсяцы. Сейчасъ лазареты — великое народное училище, гдѣ образованные классы впитываютъ въ себя народныя вдохновенія... Цѣлое поколѣніе уже до гробовой доски не забудетъ «увидѣннаго и услышаннаго въ 1914—1915 годахъ въ госпиталяхъ.

Съ Рождествомъ Христовымъ.

Ни въ одинъ годъ за истекшія сто лѣтъ чувство Христа рождающагося въ мірѣ не проходило такъ ярко и глубоко въ душѣ народной, какъ этотъ годъ, какъ эту зиму, какъ этотъ день сегодняшній. Во-истину, «со звѣздою путешествуемъ», — каждый, всякій, во дворцахъ, въ хижинахъ. Всѣ мы, весь русскій народъ, нынѣ не памятью и воспоминаніемъ уносимся къ Младенцу, родившемуся 1900 лѣтъ назадъ на спасеніе міра, а

точно зримъ и трогаемъ Его руками и поклоняемся Ему съ пастырями и волхвами, какъ-будто вотъ-вотъ все у насъ передъ глазами... Потому что спасительный актъ нашей вѣры, эмблема и примѣръ рожденія добра въ міръ,— нынѣ въ самомъ дѣлѣ развертывается у насъ передъ глазами, какъ рожденіе въ великое добро русскаго народа, Русской земли...

Вся Русь слилась въ одного человѣка. Уже великъ этотъ моментъ, великъ и рѣдокъ. Все поднялось, всѣ поднялись. И нужда, и радость, и трудъ и надежда,—все, какъ одна стрѣла, пронизавшая сто пятьдесятъ милліоновъ сердецъ. Кто изъ дѣтей нашихъ переживетъ такую же историческую минуту еще? А которыя наши дѣти чувствуютъ и сознаютъ это — пусть на этой минутѣ воспитываются и памятью ея растутъ потомъ. Этотъ годъ мы всѣ живемъ минуту, какъ годъ, и въ годъ — переживемъ вѣкъ. Какъ полно содержаніемъ время! Не рѣд-

кость ли? Не радость ли? Не чудо ли?

Но прильнемъ полнѣе сердцемъ къ радости сегодняшняго праздника, къ чуду религіи, которое мы празднуемъ всею Русью, и съ нами празднуютъ наши солдатики и офицеры въ окопахъ. Отъ исторіи этого года перенесемся ко дню 1900 лѣтъ назадъ. Слава Богу, мы въ него вѣримъ, мы его знаемъ. Слава Богу, не расхладили Русь ученыя изысканія и циническіе смѣхи, — тѣ изысканія, въ которыхъ больше фантазіи и самолюбія, чѣмъ дѣла, и тѣ смѣхи, въ которыхъ чувствуется душа гориллы, препрославленной Дарвиномъ, какъ его личнаго дѣдушки — и будто бы дѣдушки всего народа человѣческаго. Въ нынѣшнюю годину мы испытываемъ на дѣлѣ, какую драгоцѣнность сберегли въ душѣ своей сбереженіемъ вѣры, и какая драгоцѣнность потеряна на Западѣ черезъ всѣ эти пошлости ученія Тюбингенской школы объ Іисусѣ Христѣ и черезъ другія пошлости ученія разныхъ Гек-

келей о человѣкѣ и объ родѣ человѣческомъ. Давно было замѣчено, давно говорилось и горячо говорилось, что въ основѣ этихъ «научныхъ вѣяній» лежитъ не дѣло, не знаніе, но рядъ низкихъ предрасположеній... Павшій человѣкъ, павшій въ чудовищной технической работѣ и въ ежедневныхъ коммерческихъ расчетахъ, сталъ предрасположенъ ничему небесному не вѣрить, а все, даже и небесное, построить изъ земли и грязи. Человѣкъ грязными руками сталъ собирать грязь въ кучки, громоздить кучку на кучку, и полѣзъ на небо черезъ посредство этихъ кучекъ, чтобы тамъ «распорядиться по-своему». Но шлепнулся обратно носомъ въ свою грязь. Этотъ ужасный шлепокъ, этотъ убійственный шлепокъ — поразившее міръ варварство самой ученой въ мірѣ націи. Намъ Достоевскій предсказалъ: «Ваша наука окончится антропофагіей» (людоѣдствомъ, пожираніемъ человѣка заживо). Не осуществилось

ли? Не видимъ ли всѣ? Эти нѣмцы, обрубающіе кисти рукъ у 17-лѣтнихъ мальчиковъ-бельгійцевъ, чтобы они «никогда не могли вредить потомъ нѣмцамъ», не суть ли уже ученые антропофаги? И, разрушая Реймскій соборъ, не приводили ли они «въ дѣйствіе науку своихъ поганыхъ тюбингентовъ, учившихъ, что христіанство есть миѳъ, вздоръ и выдумка? Не удивляемся. На поганомъ мѣстѣ выросъ поганый грибъ.

Слава Богу, Русь за лѣсами своими, за болотами, за рѣками, за морями сохранилась отъ этихъ якобы «ученыхъ вѣяній», а на самомъ дѣлѣ ученаго фантазированія и празднословія, и Святое Слово Евангелія сохранила, какъ небесное чудо, никакъ не могшее слѣпиться изъ грязи, помой и навоза. Скажемъ мудро, просто и ясно, что Русь оказалась умнѣе ихъ Гекелей, а русская деревня со старымъ погостомъ возвышеннѣе и духовнѣе Тюбингена. Тамъ выводили «исторію христіанства», какъ страни-

цу изъ «исторіи обезьянъ», а у насъ думали иначе: и «Блаженны чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ», и всѣ реченія Спасителя помѣщали въ книгу съ серебрянным многофунтовымъ окладомъ, осыпали этотъ окладъ драгоцѣнными камнями, клали ее на престолъ въ храмъ, подходили, крестились и цѣловали эту книгу. И когда пришелъ часъ «провѣрить мудрость», — гориллы стали поступать, какъ гориллы, а человѣки стали поступать, какъ человѣки. Гориллы бросились и стали разрушать Реймскій соборъ, обрубать руки юношамъ, насиловать дѣвушекъ и женщинъ, а человѣки шли въ бой, перекрестясь, съ молитвой, и ни дѣтей, ни женщинъ не трогали.

Споръ нашъ съ Западной Европой вообще конченъ въ эту войну.

И хочется сказать: еще прибавимъ серебра на серебрянные оклады нашихъ Евангелій, еще прибавимъ драгоцѣнныхъ камней сюда, чтобы никакъ не смѣшать эту книгу съ другими, чтобы какъ можно

больше выразить, что книга эта— совсѣмъ другая отъ прочихъ, ничего съ ними общаго не имѣющая, большая, единственная, главная. Ею — живы, ею — не умремъ.

И вотъ сегодня старый культурный народъ, древній религіозный народъ—выше подними свою «Звѣзду Виѳлеемскую», пусть видится она во всей Европѣ, наша русская звѣзда. Тамъ это — аллегорія и дѣтскій праздникъ, у насъ — вѣра; тамъ — обычай временъ, пріятный семьямъ; у насъ — вѣра и стояніе народное. Никто на Россіи не осмѣлится усомниться, что Христосъ точно родился и днесъ вновь рождается, и вѣчно рождается, и будетъ рождаться... Потому что на Руси кто съ этимъ заспоритъ — того бьютъ, а бой всегда осязательное дѣло и «спорить не приходится». Оговоримся, что мы не считаемъ такую физическую защиту своего упованія ни грубостью, ни варварствомъ, а просто крѣпостью и здоровьемъ народнымъ: ибо что же былъ бы за народъ, который не

поднялъ бы руки на защиту драгоцѣннѣйшаго своего душевнаго достоянія, какъ поднимаютъ руку на защиту матери, на защиту чести семьи, поднимаютъ руку за обиду жены, и за обиду отечества поднимается весь народъ на войну. Народъ въ правѣ имѣть свои не политическія святыни и требовать, чтобы каждый передъ ними снялъ шапку. Снимаютъ ее передъ знаменемъ, сними и передъ крестомъ. Сними шапку, человѣче, и помолись на православную церковь: нынѣ она спасла насъ отъ звѣрства и образа звѣринаго.

Посему праздникъ этотъ мы должны нынѣ провести весело, энергично и всенародно. Около «Христа рождающагося» нынѣ должны особенно и совокупно возвеселиться. Положите всѣ лишній гривенникъ на блюдо съ воззваніемъ: «На украшеніе храма». Хочется ихъ украсить, нужно ихъ украсить, во благовремени ихъ украсить. Если мы «возрождаемся», этотъ годъ — Христомъ возрождаемся. Безъ него

война была бы безсильна, безъ Него и съ выигрышемъ война — ничего. Не хотимъ расти въ пузо, хотимъ расти въ духъ. Ибо ростъ въ духъ безконеченъ и никогда не умретъ, а пузо у всѣхъ умретъ завтра. Странная идея замѣнить «исторію человѣчества» исторіею «усовершенствованныхъ обезьянъ» содержала въ себѣ уже умираніе на завтра. Ибо гнилой грибокъ вообще существуетъ одинъ день. Европа кричала о «безконечномъ прогрессѣ», — кричала именно, неся на плечахъ Геккелей и Штраусовъ, — но какой же прогрессъ былъ для этой пьяной толпы, какъ не свалиться въ яму? — единственное «новое» и «неожиданное», что ее ожидало и что ожидаетъ въ эту войну ученыхъ антропофаговъ.

Оставимъ, однако, ихъ и обратимся къ своей радости. На вѣки вѣчные вспомнимъ, что мы живы только христіанствомъ, и что жизнь наша струится только изъ церкви. Тутъ важны подробности, мелочи, — важно даже то, что около столь

великаго предмета показалось бы смутительнымъ. Для насъ это «воспоминанія», для духовенства — служба. «Служба» — что посерьезнѣе и солиднѣе, фундаментальнѣе воспоминательныхъ разговоровъ. Домы наши украсятся елкою, а духовенство поведетъ всѣхъ въ церковь, поведетъ увидѣть, услышать и возгласить. Все какъ-то дѣйствительнѣе, все какъ-то осязательнѣе. Я провожу ту мысль, что отношеніе духовенства и церкви къ событію Рождества Христова, бывшему уже 1914 лѣтъ назадъ, совсѣмъ иное, нежели у насъ, неотразимо иное, полно сока, какъ зеленое молодое дерево, которое за 1914 лѣтъ нисколько не состарѣлось, не увяло, не упало. Все церковь намъ сохраняетъ, сохранила, а вовсе не «мы сохранили Рождество Христово». Это надо твердо помнить, и это иногда тускнѣетъ въ воображеніи, въ памяти, въ сознаніи. Заговариваютъ, и еще недавно было безстыдное упоминаніе, что хорошо бы и у насъ

провести «отдѣленіе церкви отъ государства», по примѣру Запада. Какая низость думать подобныя враки! Да и никто рѣшительно не допуститъ, чтобы «государство Россійское», хотя бы черезъ тысячи лѣтъ, стало когда-нибудь «не православнымъ», и за это русскій народъ умретъ, т.-е. всею жизнью народною не допуститъ до такого «отдѣленія». Между прочимъ, въ немъ потеряется сразу осязательность и «воочію» истина церкви и христіанства; сейчасъ государство за службу духовенству платитъ многіе милліоны. Это слишкомъ наглядно и убѣдительно, что «Рождество Христово» въ точности было, ибо за Штраусовскіе «миѳы» казначейство денегъ не платитъ и не станетъ платить. Такимъ образомъ, «жалованье духовенству» есть такая же убѣдительная вещь, какъ крещенская вода, которою кропятся наши дома. Кто же дерзаетъ поднимать мысль объ отнятіи этого у народа. Мы упомянули частность, чтобы немного

хоть удержать отъ вракъ нашу склонную забываться интеллигенцію.

Великія идеи, спасительныя идеи надо хранить, какъ реальность. Скажемъ точнѣе: ихъ подобаетъ хранить, какъ реальность, и это предчувствовалъ уже Платонъ-язычникъ, который сказалъ, что однѣ «идеи» суть подлинная реальность, не подлежащая разрушенію отъ времени и отъ перемѣнъ историческихъ.

Возрадуемся же Рождеству Христову, какъ величайшей реальности всей нашей исторіи, болѣе несомнѣнному, чѣмъ монгольское иго и исторія князей. Болѣе осязательному и каменно-твердому, чѣмъ московскій Кремль. Ибо Кремль построился около соборовъ кремлевскихъ, а соборы кремлевскіе и всѣ на землѣ соборы построились около Рождества Христова.

И скажемъ: радуйся Рождество Христово! Радуйся русскій народъ около своего Великаго праздника.

Поздравляемъ всю Русь съ Христомъ рождающимся, нынѣ и вѣчно.

Голоса народные о водкѣ, винѣ и пивѣ.

Облагороженіе народа, облагороженіе быта, облагороженіе самой души человѣческой — вотъ объединяющее слово и имя, округъ котораго идетъ борьба, когда она идетъ о винѣ и пивѣ. — «Не хочу образины на себѣ, хочу лица человѣческаго» — вотъ крикъ, вотъ стонъ, на который поистинѣ умѣлъ отозваться одинъ Государь въ рескриптѣ на имя вновь назначеннаго министра финансовъ 30 января 1914 года: «Совершенное Мною въ минувшемъ году путешествіе по нѣсколькимъ великорусскимъ губерніямъ дало мнѣ возможность непосредственно ознакомиться съ жизненными нуждами народа. Съ отрадою въ душѣ Я видѣлъ проявленіе даровитаго творчества Моего народа, но, рядомъ съ этимъ, съ глубокою скорбью Мнѣ приходилось видѣть печальную картину народной немощи, семейной нищеты и заброшенныхъ хо-

зяйствъ — неизбѣжныя послѣдствія нетрезвой жизни»... И далѣе: «На Мнѣ лежитъ предъ Богомъ и Россіей обязанность ввести безотлагательно, въ завѣдываніе финансами и экономическими задачами страны, коренныя преобразованія. Нельзя ставить въ зависимость благосостояніе казны отъ разоренія духовныхъ и хозяйственныхъ силъ Моихъ вѣрноподданныхъ». Вотъ слова Государя, проистекшія изъ личныхъ Его наблюденій во время путешествія по внутренней Россіи, и изъ личнаго размышленія о видѣнномъ, — которыя и рѣшили все. Противъ вина борется Государь и вино побѣждаетъ Государь, — это надо очень помнить, чтобы не запутаться въ дѣлѣ. Не Челышевъ, не мы, не писатели, не общества трезвости, которые могли писать, говорить и плакаться сто лѣтъ въ будущемъ, какъ они плакались пятьсотъ лѣтъ въ прошломъ въ этомъ старомъ историческомъ вопросѣ, — и ровно ничего изъ этого же не вышло, пока не воспослѣдо-

вало «Быть по сему»,—и поворотъ всего государственнаго корабля на другой румбъ. Этотъ поворотъ совершаетъ Самъ и единолично Государь—и намъ остается только слѣдовать, помогать, способствовать, радоваться. Это разграниченіе надо очень помнить. Только сознавая его, мы сильны. И вотъ свершилось, правда, по случайному поводу мобилизаціи, счастливо совпавшей черезъ шесть мѣсяцевъ съ изъявленіемъ воли Государевой о винѣ,—полное прекращеніе вина по всей Россіи. Зрѣлище, открывшееся было до того поразительно и неожиданно,—что нельзя было «не ухватиться». Одно дѣло—«считать по пальцамъ», гадать, думать, надѣяться, и другое—видѣть. Не доставало «видѣть», не доставало зрѣлища и полной убѣдительности его. Въ нѣсколько дней уже къ первому сентября Россія стала неузнаваемой: благородной, чистой—и по днямъ, почти по часамъ богатѣющей». «Эврика, эври-

ка!»—разнеслось вездѣ. Вотъ гдѣ закрыта была смерть Россіи, и «теперь мы воскресаемъ!» Этихъ первыхъ тогдашнихъ дней, іюльскихъ и сентябрьскихъ, невозможно забыть,—и они есть колоссальный историческій фактъ. Тотъ фактъ, за который «всѣ уцѣпились». И уже теперь этого «уцѣпились» нельзя поколебать ни Совѣту Министровъ, при всей его почтенности, и никому вообще. «Нашли! Глаза открылись! Увидѣли воочію». И теперь Россію никто не ослѣпитъ.

Отъ этихъ первыхъ дней конца августа, я имѣю нѣсколько писемъ изъ провинціи, тонъ и духъ, и смыслъ которыхъ считаю историческимъ, и мнѣ ихъ хочется сохранить, какъ «памятки исторіи».

«...Говорю о томъ, чему лично былъ свидѣтелемъ. Живу въ деревнѣ. Лично наблюдаю результаты дней трезвости. Деревня неузнаваема. Народъ какъ-то преобразился. Помимо того, что хулиганства и въ поминѣ нѣтъ, — люди совсѣмъ другіе стали. Появилась

красота души, столь свойственная нашему народу, задремавшая было подъ пьянымъ налетомъ. Во многомъ она уже проявилась и проявляется. Тысячу лѣтъ пройдетъ, и не будетъ, не случится болѣе удобнаго момента помочь народу удержаться отъ пьянства. Это необходимо учесть и воспользоваться случаемъ, иначе совершится величайшее изъ преступленій. Самъ Богъ облегчаетъ пути избавленія отъ ужаснаго порока. Надо ли говорить о благахъ неисчислимыхъ трезвости?

«Возьмемъ разницу между трезвымъ и пьянымъ почти всю жизнь человѣкомъ и примѣнимъ, не преувеличивая, это сравненіе ко всей Россіи!..

«Не могу спокойно говорить объ этомъ, оттого, можетъ быть, и пишу безсвязно, но необходимо въ печати «закричать», чтобы всѣ услышали, и этотъ «крикъ» воздѣйствуетъ неотразимо, на кого слѣдуетъ».

Это — изъ Тверской губерніи; письмо писано 16-го августа. Съ помѣткой «20-го августа» я получилъ письмо изъ Тульской губерніи:

«Если бы вы видѣли, какъ вижу я въ глуши деревни трезвые «престольные праздники», то что бы вы почувствовали!..

«Когда приближалось ихъ празднованіе, то народъ недоумѣвалъ и какъ-то смущенно спрашивалъ: «Чѣмъ же мы гостей-то угощать будемъ?» Подъ «угощеніемъ» подразумѣвалась, конечно, водка, и безъ водки какъ же? чѣмъ же? И вотъ теперь, вмѣсто трехъ дней отчаяннаго пьянства, какъ бывало здѣсь прежде, часто начиная съ самого батюшки и кончая чуть не трехлѣтними ребятами, во время котораго совершались драки и всякія безобразія, теперь на моихъ глазахъ праздники кончались уже къ вечеру того же дня. И рабочіе по деревнѣ, и прислуга, живущая у помѣщиковъ, — всѣ къ вечеру праздника уже были на мѣстахъ. Нѣчто небывалое.

«Вообще, въ деревняхъ тишина и серьезность трогательныя. Бабы въ церковь надѣваютъ не яркія наряды, а темные — больше все черные съ бѣлымъ, особенно, головные платки.

«Старосты, десятскіе тѣхъ волостей, которыя подчинены земскому начальнику, поражаютъ своей серьезностью, своимъ отношеніемъ къ возложеннымъ обязанностямъ, сильно вліяютъ на народъ. Къ сожалѣнію, церковная служба здѣсь не благолѣпно правится: за обѣдней, когда молитвы о православномъ воинствѣ особенно нужны, особенно трогаютъ, священникъ какъ-то особенно быстро, скороговоркой, ихъ читаетъ» *). Вотъ, кажется, сталъ на его мѣсто и такъ бы вознесъ къ Господу молитву о «христолюбивомъ воинствѣ», что всѣ зарыдали бы! Отъ «страждущихъ и плѣнен-

---

*) Эту жалобу на *неразборчивое, невнятное* чтеніе священниками самыхъ важныхъ молитвъ, до войны относящихся, я слышалъ въ тѣ дни въ Петроградѣ и о петроградскомъ духовенствѣ, и меня просили обратить на это вниманіе въ печати. Исполняю, хоть и поздно.

ныхъ» у него ничего не осталось. Онъ проглатываетъ эти слова, а не то, чтобы въ землю за этихъ «плѣненныхъ» долгимъ поклономъ поклониться.

«Мои четыре воина съ радостью пошли навстрѣчу врагу за родину, за честь, за славу постоять. Уланъ мой, уходя, писалъ мнѣ: «Какъ ты, дорогая мамуля, должна быть счастлива и горда, что всѣ твои четыре сына идутъ на защиту родины. Не даромъ ты насъ родила и не даромъ казна насъ кормила». Съ тѣхъ поръ, какъ все это началось, я какъ бы постоянно сердцемъ стою на колѣняхъ, и не здѣсь на землѣ, а гдѣ-то выше. Съ воздѣтыми къ небесамъ руками, я повторяю: «Да исполнится воля Твоя!» Какое время! И какъ нужны были огонь и кровь, чтобы многое очистить, многое уничтожить и много хорошаго породить. Да будетъ воля Твоя, Господи!»

Около этого государственнаго письма, съ государственною озабоченностью, сопоставимъ такое же

государственное слово старухи-крестьянки. Значительно позднѣе я получилъ письмо изъ Тульской губ.:

«У меня служили рабочими два брата. Въ первую мобилизацію взяли одного, а въ призывъ ратниковъ—и другого. Мать ихъ, также живущая у меня, провожая его, сказала, рыдая: «Сыночекъ! объ одномъ прошу тебя: Царю-то будь вѣренъ».

«Не могу не сообщить вамъ этого прекраснаго слова, за подлинность котораго ручаюсь. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи.

Н. Горбовъ».

Такъ мы росли, день за днемъ, эти два мѣсяца, входя въ разумъ и серьезное государствованіе. Мы— не прощалыги, а сыны Русской Земли. Мы не подъ заборомъ гдѣ-нибудь родились, а въ честномъ дому нашей матушки.

А вѣдь духомъ «прощалыжнымъ», духомъ чего-то несчастнаго и случайнаго въ нашей исторіи уже начала затуманиваться вся страна, и какъ помогали этому въ душѣ каж-

даго, въ душѣ селъ и городовъ, зеленые пары.

Небушко увидали, Господа, — не будемъ отводить глазъ съ Него.

„Христово Воскресеніе“ въ 1915 г.

Опять великій праздникъ искупленія смерти смертію, праздникъ — воскресенія умирающаго, которое умерло, было, и снова ожило... Нынѣ для насъ мистерія религіи сливается съ мистеріею исторіи, которая вѣдь есть часть природы, и въ ней также умираютъ и оживаютъ; хочется добавить: «также умираютъ, но — вѣруютъ, и тогда — вторично оживаютъ». Нынѣшній 1915 годъ, какъ мы вѣруемъ и чаемъ, сдѣлается годиною воскресенія славянскихъ народовъ, надъ погребеніемъ которыхъ столько потрудились и тевтоны, и турки...

Для множества, множества семей, для матерей, сестеръ, для женъ и дѣтей — идутъ дни и мѣсяцы воистину «Страстной сед-

мицы»... Что имъ сказать, что о нихъ сказать? Имъ все сказало четверговое Евангеліе съ разсказомъ о прощальныхъ бесѣдахъ І. Христа съ учениками Своими, о мученіяхъ, о перенесеніи оскорбленій и издѣвательствъ Самимъ Богомъ нашимъ, пришедшимъ въ міръ «грѣшныя спасти»... Что можно прибавить къ этому? Прибавлять — нечего, а только можно подумать, что ихъ умершіе сыны, и братья, и отцы «пострадали за Русь», умерли «за братію во Христѣ», — такъ же, какъ и они, православныхъ, — повторяя и подражая Христу, умершему за человѣчество. Тамъ — религія, здѣсь — исторія; но на этотъ разъ воистину исторія есть маленькій кусочекъ религіи. И «доброму разбойнику», которому самое послѣднее свое слово на землѣ сказалъ І. Христосъ: «днесь будешь со Мною въ раю», — этому разбойнику, поминаемому для православныхъ предъ самымъ причащеніемъ, уподобились всѣ павшіе въ бою съ иновѣрными. Всѣ были съ

грѣхами, всѣ были съ недостатками, всѣ съ человѣческою слабостью. И вотъ всѣ очистились и вошли въ воскресеніе. Всѣ умерли и не умерли, убиты и вошли въ вѣчную жизнь. Нѣтъ печали: ибо съ такою мыслью не печальна сама смерть. И воистину, сегодняшній день долженъ быть счастливъ и для сиротъ, и для вдовъ: ихъ умершіе — невидимо съ ними; да и сами они, эти сироты и вдовы, повременя и погодя, встрѣтятся, какъ живые съ живыми, съ временно разлучившимися отъ нихъ.

При вѣрѣ въ таинства религіи, при вѣрѣ въ воскресеніе и искупленіе — есть печали, но нѣтъ безысходной печали, есть горе и страданіе, но воистину нѣтъ отчаянія. Отчаяніе — состояніе безвѣрнаго, отчаяніе тому, кто не повѣрилъ Христу. Вотъ почему. Смѣло и мужественно говоримъ сиротамъ и вдовамъ, о которыхъ сейчасъ первая мысль, и сами они — первые между нами: садитесь за

Пасху Господню съ нами, садитесь, какъ бы у васъ не было печали, ибо самъ Господь такъ устроилъ, что во вселенной эти-то именно ваши скорби переходятъ во всеконечную радость и полный восторгъ!.. Нѣтъ смерти — нѣтъ и искупленія, нѣтъ страданія — нѣтъ и очищенія; а разъ совершилось страданіе и смерть, и это уже позади — мы ожидаемъ только воскресенія и избавленія...

Всякая мать, вдова и сироты пусть прочтутъ сегодня о женахъ-мироносицахъ, какъ онѣ пришли къ гробу: но уже въ гробу увидѣли однѣ погребальныя полотнища, ибо «бывшій въ гробу» нынѣ воскресъ. Пусть прочтутъ и утѣшатся, и улыбнутся. Пусть помнятъ, что улыбка тихой радости съ ними и никогда не отнимется у нихъ. Пусть онѣ живутъ между нами, какъ лучшіе изъ насъ, какъ первые между нами, тихо трудясь на остатокъ дней своихъ, безъ слезъ и унынія. Ибо Евангеліе отерло имъ слезы.

* *
*

Гигантская борьба, а съ нимъ и страданіе, продолжаются. Воистину, «искупается» грѣхъ европейской исторіи. Въ чемъ грѣхъ, какой грѣхъ? Но развѣ не грѣхъ было забыть ради какихъ-то новѣйшихъ книжонокъ, съ ихъ недомысліемъ или дѣтскою мыслью, — самый фундаментъ, на которомъ возросла вся европейская исторія: вотъ эту трагедію жизни и грѣха, страданія и искупленія, трагедію побѣды вѣчной жизни надъ временною гибелью?! Воистину, европейцы промѣняли религіозное «первородство» на позитивную «чечевичную похлебку», и платятся теперь кровью, голодомъ, разрушеніями городовъ и странъ. Чего имъ недоставало? чего у нихъ не было? Не вся ли земля была въ сущности ихъ владѣніемъ? Первые по могуществу, по богатству, по просвѣщенію, что они дѣлаютъ? Вмѣсто мирнаго сожительства и гармоническаго развитія своихъ силъ, одинъ народъ

захотѣлъ стать «сверхъ-первымъ», нагло объявилъ «Deutschland über alles» (т. е., «Германія да будетъ надъ всѣми»), и сейчасъ же облился весь кровью залилъ кровью и своихъ сосѣдей. Вмѣсто разума — безсмыслица, вмѣсто силы — угроза завтрашнею слабостью; буквально — вмѣсто просвѣщенія тьма. Но почему? Гдѣ источникъ? Забвеніе Бога и религіи, забвеніе спасительныхъ «неисповѣдимостей» религіи. Человѣкъ измельчалъ. Человѣку стала «не по плечу» религія. А въ ней-то и широта созерцанія, а въ ней-то и покой созерцанія. Покой созерцанія и устойчивость жизни. Едва подточился фундаментъ, какъ зашаталось все зданіе. Храмы покинуты, а базаръ шумитъ, панорама всемірной исторіи не видна, зато вездѣ множество кинематографовъ. Вотъ измельчаніе человѣка и глубокое опошленіе всей жизни,— результатомъ коего явилась теперешняя война. На базарѣ, конечно, не видно, почему «Германія» не должна быть «über alles». Кинема-

тографъ не доказываетъ, почему всѣ народы, и даже первые изъ первыхъ между ними, должны сохранять смиреніе предъ великими задачами жизни и смерти, предъ великою угрозою грѣха и наказанія. Все это — «мистеріи», о которыхъ помнитъ мужикъ въ деревнѣ, — помнитъ и боится, — но о которыхъ забыли въ берлинскихъ дворцахъ; и чего же тамъ пугаться «этихъ суевѣрій». Ну, не «испугались» и ринулись... И все залилось кровью. Кровью и пожарами, огнемъ и смертью.

Ужасный катаклизмъ, собственно, всей европейской исторіи, всей европейской цивилизаціи. Цивилизація всегда возникаетъ на 2—3 истинахъ, очень простыхъ, но чрезвычайно глубокихъ, «всеобъемлющихъ». Христосъ ограничилъ силы человѣка, точнѣе: Онъ указалъ, что и всегда-то эти силы были не велики, — гораздо менѣе, чѣмъ представлялъ себѣ человѣкъ въ самоувѣренномъ язычествѣ. Отсюда — Онъ указалъ смиреніе

человѣку. Итакъ, скромность и смиреніе—это не личныя добродѣтели отдѣльнаго человѣка, не «хорошія качества» тѣхъ и иныхъ людей, а это есть нравственный и религіозный фундаментъ самой цивилизаціи. Безъ этого въ этой цивилизаціи, въ нашей христіанской цивилизаціи, — все будетъ безуспѣшно, ненадежно, опрометчиво; хотя «безъ этого» могли расти отлично Греція и Римъ, «безъ этого» могутъ процвѣтать Японія и Китай. Да,—имъ дано, возможно; но намъ—запрещено Тѣмъ, Кто есть нашъ Богъ и Искупитель. Изъ этой «закваски» все у насъ «выросло» и можетъ расти далѣе только изъ этой же закваски. «Живи-живи,— а подумывай о смерти»; «безъ Бога—ни до порога»—вотъ опасливыя русскія поговорки, на которыхъ народъ нашъ перевелъ этотъ канонъ Христовой и христіанской жизни. Самоупоенность, самоувѣренность, гордость, тщеславіе, — смертные грѣхи въ нашей цивилизаціи, именно—въ нашей. Христосъ

именно умертвилъ эти грѣхи, какъ бы показавъ міру: «вотъ Я — Богъ, и — умираю». Человѣчество вздрогнуло, зарыдало и испугалось. И съ тѣхъ поръ мы всѣ боимся «быть гордыми»: «какъ бы не наказалъ Богъ».

И вотъ, поскольку мы боимся этого, боимся «своей выпуклости» надъ «другими», — мы мирно живемъ, или, вѣрнѣе, Господь насъ сохраняетъ въ мирѣ и невидности. Мы боремся противъ «Deutschland über alles», и никогда на мѣсто его мы не поставимъ «Russland über alles»... Такъ Богъ устроилъ наше сердце, что намъ это просто противно. Противно, не нужно и враждебно. Мы и всегда хотимъ жить среди народовъ, какъ одинъ изъ нихъ, не помышляя ни о какомъ водительствѣ, гегемоніи и первенствѣ. Былое панство, потомъ — Наполеонъ и сейчасъ Вильгельмъ, или, что почти тоже — преемственно Италія, Франція и Германія ринулись къ этому «первенству», забывъ, что одинъ Хри-

стосъ есть «первый», но и Онъ — пострадалъ, а человѣку указалъ границы его смиренной доли. «Первенство», «гегемонія» и «выше всѣхъ» есть языческій принципъ, на почвѣ коего всегда будетъ «не удаваться» у европейцевъ, и что составляетъ драгоцѣннѣйшую черту Руси, воистину «святую» въ ней особенность, — это то, что рѣшительно никакому русскому это «первенство» не снится, не мерещится и окончательно не нужно. «Всѣ умремъ»... и «праведную смерть» надо себѣ заработать — вотъ коротенькая мысль, съ почвы которой если не сойдетъ Русь, — она поистинѣ «не пріобщится» смерти. А она съ почвы этой мысли не сойдетъ — ибо мысль эта въ каждой крестьянской хижинѣ, она живетъ у насъ и въ избахъ, и во дворцахъ.

Будемъ, православные, хранить свою религію; будемъ горячѣе вдумываться въ глубины ея. Ибо глубины эти бездонны, и глубины эти окончательны. И онѣ — спасительны, животворны. Пусть другіе

народы ищутъ «живой воды» въ естествознаніи; мы «живую воду» найдемъ у своего приходскаго священника. У того простого священника, у котораго находили «живую воду» и Ярославъ Мудрый, и Александръ Невскій, находилъ каждый вѣкъ нашъ и каждое поколѣніе наше. Будемъ скромны, не самонадѣянны, просты. И Господь насъ убережетъ и спасетъ. Онъ — Спаситель.

— Христосъ Воскресе! православный людъ. Сядемъ спокойно за столы свои и разговѣемся «нынѣ и присно и во вѣки».

Цѣна 40 коп.

2007041685